

Н.А. Некрасов

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
— Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи;
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко, — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стай с мякины летят воробьи.

Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною — всему подивились

И мой приговор изрекли:

— Такому-то гусю уж что за охота!

Лежал бы себе на печи!

И видно не барин: как ехал с болота,

Так рядом с Гаврилой... — «Услышит, молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,

Тот, верю я, любит крестьянских детей;

Но если бы даже ты их ненавидел,

Читатель, как «низкого рода людей», —

Я все-таки должен сознаться открыто,

Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,

Как дай Бог балованным деткам твоим.

Счастливый народ! Ни науки, ни неги

Не ведают в детстве они.

Я дельвал с ними грибные набег:

Раскапывал листья, обшаривал пни,

Старался приметить грибное местечко,

А утром не мог ни за что отыскать.

«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядом на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.

Под наши густые старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на Бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали, —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая; спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
— Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,

А сколько рассказов! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а эта с обновой:

Сплела себе славный венок,
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.

Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку —
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошади своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты немало,

Пора за работу, родной! —

Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно;
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу сvezут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведают свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгннуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
— А что, у отца-то большая семья?
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вон оно что! А как звать тебя? —
«Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли всеяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
— Эй, воры идут! — закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла.
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха, —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.